

Глава 23. Последнее тепло

Ночной морской бриз обжигал холодом. Шестиугольный тент, еще недавно возвышавшийся на берегу, был заблаговременно убран Юань-Юанем, и белоснежный пляж вновь превратился в пустынную, нетронутую полосу песка.

В призрачном сине-золотом сиянии луны Бай Юньци, одетый в шелковую пижаму, медленно шел вдоль кромки прибоя. Он внимательно, сантиметр за сантиметром, осматривал берег, но под его ногами не было ничего, кроме мягких, искрящихся песчинок.

Он уже обошел весь пляж, и это был последний участок. Юньци отправился на поиски скорее для очистки совести, нежели в надежде на успех, поэтому отсутствие результата его не удивило. И все же... Он перевел взгляд на чернеющую неподалеку гряду рифов.

Даже под ярким лунным светом скалы казались угольно-черными. Начался прилив: тяжелые валы один за другим с грохотом обрушивались на камни, вздымаясь пенистыми гребнями. В этом зрелище таилась первобытная, пугающая мощь.

Бай Юньци стоял на мелководье, не обращая внимания на соленые брызги, пропитавшие тонкую ткань пижамы. Он искал то самое место, где днем спускался в воду.

Наконец его взгляд замер на плоском камне, который то и дело скрывался под набегающей волной. Облегченно вздохнув, Юньци шагнул в ледяную воду. Осторожно перебираясь через расщелины между скользкими валунами, он направился к намеченной цели.

Внезапно его левое запястье, свободно опущенное вдоль тела, перехватила чья-то ладонь — прохладная, но твердая.

Юньци вздрогнул от неожиданности и резко обернулся. Перед ним стоял черноволосый мужчина, чей силуэт почти сливался с ночной тьмой. Гу Тинлань смотрел на него странным, трудночитаемым взглядом. Его пижама тоже была усыпана каплями воды, а домашние тапочки облепил белый песок — очевидно, он уже долгое время шел следом.

Сердце Бай Юньци пропустило удар. Из-за физического недуга его чувства всегда были обострены, и если Гу Тинлань действительно шел за ним по пятам, он просто не мог этого не заметить.

Но еще больше Юньци пугало другое: как объяснить свое поведение в такой ситуации? И когда только Гу Тинлань обнаружил его исчезновение!

«Ты...» — Юньци медленно поднял правую руку и указал на мужчину, собираясь на языке жестов спросить, что происходит, но Тинлань перебил его.

— Хотел прыгнуть в море? — Гу Тинлань сделал шаг вперед, почти вплотную приближаясь к Юньци. Его брови были плотно сдвинуты, а в черных глазах, отражавших сине-золотую луну, застыла мрачная тревога.

«Ч-что?» — сердце Юньци бешено заколотилось. Он инстинктивно отклонился назад, но, поскольку одна его рука была перехвачена, он смог лишь неловко изобразить ответный жест правой.

— В океане слишком опасно. Если кулон потерялся — значит, так тому и быть. Не стоит рисковать собой ради него, — хватка на запястье Юньци усилилась. Гу Тинлань серьезно смотрел ему в глаза, и его голос звучал низко и властно.

Бай Юньци изумленно расширил глаза. Он невольно попытался высвободить руку, чувствуя, как внутри все переворачивается. Гу Тинлань знал! Он знал про кулон!

Заметив его смятение, Тинлань тихо вздохнул. Он потянулся к своей шее, снял черный кулон и бережно вложил его в ладонь Юньци.

— Пока возьми этот. Когда вернемся, я сделаю для тебя что-нибудь получше, — Гу Тинлань мягко накрыл своими пальцами ледяную ладонь Юньци, сжимая ее вместе с кулоном, и негромко, успокаивающе добавил: — Ну же, не грусти.

Юньци заворожено смотрел на мужчину. В этих глубоких темных глазах сейчас не было ничего, кроме искренней, нежной заботы.

Под этим взглядом паника медленно отступила, а бешеный ритм сердца выровнялся. Юньци опустил глаза на свою руку, согретую теплом ладони Тинланя. Ему показалось, что остаточное тепло кулона просачивается сквозь кожу и по венам, вместе с пульсом, вливается прямо в сердце.

Серебристые ресницы Юньци дрогнули. Он медленно поднял взор на Гу Тинланя и вдруг лучезарно улыбнулся. Пока тот пребывал в легком оцепенении, Юньци ловко высвободил руку.

Словно дорожка этим последним теплом, он нежно коснулся черного камня, сияющего под луной, а затем, под непонимающим взглядом Тинланя, осторожно надел кулон обратно ему на шею.

«Тот кулон был очень хорошим», — в лазурных глазах Юньци плескалась нежность, готовая вот-вот перелиться через край. Он взглянул на бледнеющую в небе луну и вновь обратился к Гу Тинланю на языке жестов: «В нем была последняя чешуйка моей матери. Поэтому я должен его найти».

Зрачки Гу Тинланя резко сузились. Чешуя покойной королевы! Неудивительно, что Юньци был так напуган, обнаружив пропажу.

— Последняя? — Тинлань нахмурился. Он отчетливо помнил, что, когда королева в последний раз сбрасывала чешую, она сохранила их все.

Улыбка на лице Юньци на миг погасла. Он удивленно посмотрел на Тинланя, помедлил и добавил: «Остальные... исчезли...» Пока он двигал руками, свет в его глазах, казалось, окончательно померк.

Исчезли? Как они могли исчезнуть в королевском дворце? Взгляд Гу Тинланя стал жестким. Он хотел расспросить подробнее, но, видя печаль супруга, не решился давить на него.

Раз это была последняя память о матери, тогда... Тинлань снова решительно перехватил запястье Юньци и твердо произнес:

— Я помогу тебе. Найдем его вместе!

На горизонте забрезжил рассвет. Две луны незаметно скрылись, уступая место утру. Когда первый золотистый луч пронзил небосвод, супруги, наконец придя к согласию, вместе вошли в воду.

Стоило Бай Юньци погрузиться в море, как он снова почувствовал то странное, необъяснимое притяжение. Он нахмурился; в памяти всплыл образ глубоководного морского монстра, и по лицу тритона пробежала тень отвращения.

В этот момент спокойная гладь воды вдруг вспенилась, словно в нее погрузилось нечто массивное. Юньци обернулся и увидел серебристо-белый легкий мех. Обтекаемый корпус, изящные линии и сложенные за спиной световые крылья — машина выглядела величественно и грозно. Юньци невольно восхитился ее красотой.

Пилотом меха был Гу Тинлань. Это и стало их компромиссом: они спускаются вместе, Юньци ищет впереди, а Тинлань обеспечивает прикрытие сзади.

Юньци с улыбкой помахал рукой в сторону кабины пилота и нырнул в глубину. Гу Тинлань тут же последовал за ним.

Несмотря на рассвет, в пучине было сумрачно. В свете мощных прожекторов меха Бай Юньци, мерно взмахивая сильным серебристым хвостом, плыл по вчерашнему маршруту, внимательно осматривая дно.

Поскольку он был занят поисками, скорость была невелика. Лишь спустя приличное время они достигли коралловых рифов.

Лучи прожекторов рассеивались в кристально чистой воде, мягко подсвечивая причудливые заросли кораллов. Тысячи разноцветных рыбок, потревоженных светом, высыпали из своих укрытий. Они закружились вокруг сереброволосого тритона живым сверкающим вихрем, словно приветствуя своего господина.

Гу Тинлань слышал рассказы Юньци об этом, но, лишь оказавшись здесь лично, понял, насколько скудным было его воображение. Эта сцена была прекраснее любого сна.

Юньци слегка шевельнул плавниками. Рыб было гораздо больше, чем вчера, и от их мельтешения рябило в глазах. Он уже собирался послать ментальный импульс, чтобы разогнать стаю, как вдруг из общей массы выплыла маленькая пухлая красная рыбка. Она замерла прямо перед его лицом с крайне важным видом, будто старый заслуженный лидер.

Узнав вчерашнюю знакомую, Юньци пришел в голову план. Он осторожно подставил ладонь, позволяя рыбке опуститься на нее, и послал мысленный вопрос: «Когда вы видели меня вчера, висел ли у меня на шее черный камень?»

Стоило импульсу коснуться рыб, как вся стая мгновенно замедлила движение. Красная рыбка, словно в раздумье, сделала пару кругов на ладони Юньци и замерла.

Пока Юньци ждал, из стаи выплыли еще несколько знакомых рыбок. Они привычно потерлись о его серебристый хвост, запутались в волосах, а затем подплыли к «лидеру» и что-то беззвучно «сообщили» ей, прежде чем вернуться к остальным.

Юньци хотел было уточнить вопрос, но пухлая красная рыбка вдруг смешно прижала боковые плавники к телу, приподняла голову и начала ритмично покачиваться вверх-вниз своим коротким хвостом.

«Это значит... что камень тогда еще был на месте?» — Юньци не был уверен в значении этих движений и послал еще один уточняющий импульс.

Рыбка замерла, задрала голову еще выше и снова начала старательно кивать всем телом.

«Хорошо, я понял. Спасибо вам. На сегодня свободны, в следующий раз еще поиграем», — Юньци невольно улыбнулся. Он легонько пощекотал рыбку под плавником и отправил прощальный сигнал.

Стая организованно начала расходиться. Красная рыбка напоследок нежно ткнулась в кончики пальцев Юньци и, то и дело оборачиваясь, скрылась в кораллах. Русалка осталась одна в призрачном свете прожекторов.

Если в коралловом лесу кулон еще был на нем, значит... Взгляд Юньци устремился в темную бездну океана.

Его размышления прервало мигание света — Гу Тинлань в кабине меха напоминал о себе.

Юньци взмахнул хвостом и развернулся к машине. С торжествующей улыбкой он показал на языке жестов: «Правда, здесь красиво? Совсем как я рассказывал».

Гу Тинлань, замороженный увиденным, заставил мех медленно кивнуть. Серебристый тритон в окружении преданных рыб среди сказочных кораллов... Это было не просто красиво. Это было за гранью человеческого понимания.

Заметив кивок, Юньци довольно вильнул хвостом. Он поделился этим зрелищем не только из желания похвастаться, но и чтобы скрыть нарастающую тревогу от того самого зова из глубины.

«Есть зацепки?» — механические пальцы серебристого гиганта неуклюже сложились в вопрос.

Глядя на эти неловкие жесты, Юньци невольно вздохнул и ответил: «Та пухлая рыбка сказала, что вчера, когда я был здесь, кулон еще висел у меня на шее».

«Значит, он упал где-то в глубокой воде?» — мех снова задвигал манипуляторами, подняв мощную волну, которая едва не отбросила Юньци назад.

Волна... Вода... В памяти Юньци внезапно всплыл момент, когда глубоководный монстр был повержен. Он вспомнил те черные щупальца, уходящие в бездну. И в этом воспоминании на одном из щупалец, которое последним скрылось в темноте, отчетливо блеснула знакомая искра!

<http://bllate.org/book/13697/1585859>